

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47)

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛСТОВСТВА: ПОЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ Л.Н. ТОЛСТОГО В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И ИХ СУДЬБЫ

© 2015 г.

Е.В. Азарин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

efimagarin@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2015

На основе архивных материалов исследуется процесс возникновения и развития в конце XIX в. толстовства в Нижегородской губернии; кратко рассматриваются последующие биографии его основных участников в их связи с общественными движениями в России.

Ключевые слова: толстовство, толстовцы, толстовские земледельческие колонии, Нижегородская губерния, революционеры.

В отчете обер-прокурора Святейшего синода за 1900 г. среди областей Российской империи, «зараженных» толстовством, не значится Нижегородская губерния [1, с. 193], – наш регион не играл существенной роли в развитии толстовства и в последующие годы. В первую очередь этим обстоятельством, помимо отсутствия полноценного исследования по истории дореволюционного толстовства, объясняется и невнимание к заявленной проблеме в рамках историографии. В единичных работах дореволюционных исследователей [1–3] никаких сведений о толстовстве в Нижегородской губернии не дается. В советское время толстовство изучалось слабо, а на региональном уровне и вовсе не исследовалось. В масштабной работе И.А. Гордеевой о земледельческих коммунах последней четверти XIX в., организованных русскими интеллигентами, в том числе и толстовцами [4], никакой информации о причастности Нижегородской губернии к толстовству также не дается. Неизвестны нам и работы местных исследователей по данной проблеме или хотя бы свидетельства нижегородцев о проявлениях здесь толстовства.

Исключением является, однако, краткая заметка Д.Н. Смирнова о недолгом существовании в начале XX в. близ Мызы и Марьиной рощи небольшой толстовской колонии, организованной земским статистиком Д.Ф. Щелоком. Именно благодаря ее существованию появился современный, известный нам топоним «Щелоковский хутор». Этот очерк, ввиду его исключительности и любопытности, нам кажется целесо-

образным подробно разобрать. Кроме Д.Ф. Щелока в колонии, по информации Д.Н. Смирнова, принимали участие известный фотограф М.П. Дмитриев, брендмейстер Т.С. Чапин и директор Нижегородского коммерческого училища В.И. Алексеев [5, с. 80], учеником которого по училищу был сам Д.Н. Смирнов. Несмотря на целый ряд зацепок, достоверной информации, подтверждающей сам факт существования этой толстовской колонии, нам не удалось найти ни в официальных источниках, ни в материалах личного происхождения. В фонде самого Д.Н. Смирнова среди подготовительных материалов для книги содержатся только краткие заметки о толстовстве, о В.И. Алексееве, а также небольшая запись о замкнутой жизни толстовской колонии [6, ф. Р-3101, оп. 1, д. 81, л. 94, 114, 502; ф. Р-3101, оп. 1, д. 82, л. 787–787 об.]. Нам кажется вероятным, что сведения о существовании толстовской колонии на Щелоковском хуторе носили характер слухов и были просто записаны Д.Н. Смирновым с чьих-либо слов. Сомнения в достоверности изложенных сведений усугубляются и следующим обстоятельством. В той же книге некоторое внимание Д.Н. Смирнов уделяет упомянутому директору коммерческого училища Алексееву [5, с. 71–72]. В.И. Алексеев (1848–1919) – человек действительно удивительной, даже феноменальной судьбы, в конце своей жизни отметивший: «жизнь моя была такая разнообразная. Мне дано было все испытать, всего попробовать: хочешь этого – возьми это, хочешь того – возьми то» [7, с. 187]. Несомненно, что исследованию яркой и сложной

биографии В.И. Алексеева [8, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 239] можно посвятить целый ряд работ. Вместе с тем в сведениях, которые дает Д.Н. Смирнов об Алексееве, есть ряд ошибок и неточностей. В.И. Алексеев, будучи народником и увлекшись коммунитарными идеями, действительно ездил в Америку и жил там в земледельческой коммуне русских эмигрантов, но было это в 1875–1877 гг. [9, с. 45–78], когда толстовского учения еще не существовало вовсе. После своего возвращения он стал не только другом и учителем детей Л.Н. Толстого, как это отмечает Д.Н. Смирнов, но и сам оказал определенное влияние своим трудовым образом жизни и оригинальным мировоззрением на писателя, как раз переживавшего на рубеже 1870–1880-х гг. т.н. «духовный кризис» и только формулировавшего принципы своего нового кредо [10, с. 421]. Поэтому говорить об увлечении В.И. Алексеева идеями Толстого неправомерно – скорее в лице будущего директора Нижегородского коммерческого училища произошла встреча исторически преемственных идеалов народничества и толстовства. Между расставанием В.И. Алексеева с семьей Толстого и его переездом в Нижний Новгород в 1900 г. прошло почти 20 лет, наполненных для него постоянными переездами и мытарствами. Женившись в 1890 г. на аристократке В.В. Загоскиной, благодаря протекции ее отца Алексеев впоследствии получил должность директора Нижегородского коммерческого училища [8, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 239, л. 163, 171]. К этому моменту ни о революционности, ни о толстовстве мировоззрения В.И. Алексеева говорить уже не приходится. «Жил богато. Говорят, жена поддерживала прямо аристократический тон в доме. <...> В 1916 году Алексеев открыто сознавался перед нами, что боится вообще поводов, которые могли бы открыть начальству его прошлое (курсив мой. – Е.А.)» [10, с. 422]; никаких сведений о «прошлом» не содержится и в личном деле В.И. Алексеева в фонде Нижегородского коммерческого училища [6, ф. 544, оп. 470 (1), д. 4]. «Переделала его по-своему жена-аристократка, пропал он для всякого живого дела», – говорила об Алексееве в 1913 г. его знакомая-народница, помнившая его с 1870-х гг. [11, с. 555].

В этом свете участие Алексеева в толстовской колонии, хотя и в более ранний период (начало XX в.), представляется весьма сомнительным. Вполне вероятно, что Д.Н. Смирнов, питая симпатию к своему директору и узнав о его прошлом, невольно придал его поздней жизни «толстовский» контекст. Таким образом, факт существования толстовской колонии на современном Щелоковском хуторе не может

быть доказан, как впрочем и опровергнут. Логично выдвинуть предположение, что указанные лица просто имели там дачные участки, но ввиду отсутствия в нашем распоряжении соответствующих источников эта гипотеза, как и любая другая, остается на данный момент лишь умозрительной.

Казалось бы, что говорить о толстовцах в Нижегородской губернии в таком случае вовсе не имеет никакого смысла; однако «толстовское движение» в Нижегородском регионе связано с иными персоналиями и событиями. К началу 1890-х гг. толстовство приобрело некоторый вес в общественно-политической жизни страны – в «темные годы» реакции часть российского общества, преимущественно интеллигенция, увлеклась идеями Л.Н. Толстого об улучшении социальной жизни путем личного самосовершенствования каждого отдельного человека, о непротивлении злу насилием; наконец, о необходимости жить действительно «трудами рук своих», «слезть с шеи народа» и т.д. К этому моменту многие толстовцы, объединенные в общины или поодиночке, вели земледельческий образ жизни из нравственных побуждений, предпочитали бродяжничество умственному труду и жизни в городе; уже несколько лет существовало и успешно развивалось толстовское книгоиздательство для простого народа «Посредник». Экцентричным образом жизни, намеренным или чаще невольным распространением своих антигосударственных и антицерковных взглядов, толстовцы уже привлекают пристальное внимание полиции и духовенства. К этому времени относятся и первые, редкие сюжеты появления толстовцев в Нижегородском регионе.

В газете «Нижегородский биржевой листок» за 1891 г., № 217, была напечатана заметка под названием «Новая секта “перховцы”», повествовавшая о появлении в с. Перхово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии этой «новой секты», представлявшей собой «нечто смешанное из толстовщины с пашковщиной». Ее создатель Новоселов, сам из духовенства, организовал земледельческую общину из интеллигентных лиц, неумело ведущих крестьянский образ жизни [12, с. 3]. В этой «новой секте» без труда можно опознать земледельческую общину последователей Л.Н. Толстого, известную в толстовских кругах под названием «Дугино», находившуюся по этому адресу [13, ф. 102-3д., оп. 88, д. 128 ч. 2; 14, № 11, с. 77–80]. Вообще сама заметка любопытна своей курьезностью и тенденциозно-невежественным отношением к религиозному сектантству; в ней, кроме прочего, говорилось: «брака и совместной супруже-

ской жизни сектанты не признают; по их убеждению, мир должен рано или поздно погибнуть, и чем скорее, тем лучше, а для прекращения рода человеческого самый верный путь – безбрачие и монашеская жизнь». В заметке говорилось о некоем докторе Рахманове, живущем в общине и помогающем местному населению; он «ходит также в лаптях и вообще ничем не отличается по одежде от других сектантов» [12, с. 3]. Этим доктором был потомственный дворянин Калужской губернии В.В. Рахманов (1865–1918), один из активных толстовцев, участвовавший как минимум в двух толстовских общинах и оставивший ценные воспоминания о толстовстве 1880–1890-х гг. [15] и о толстовце князе Г.А. Дадьяни [16]. Он и его тогда еще гражданская жена, купеческая дочь О.А. Сытинская, переехали из общины Дугино в Богородский уезд Нижегородской губернии в августе 1891 г. По наблюдению горбатовского исправника, Рахманов познакомился и сблизился с молочниками Желтовым и Тулуповым [6, ф. 2, оп. 6, д. 1434, л. 1 об.]. Личность последнего нам точно не известна; знакомство же с еще начинающим тогда, крестьянским писателем Ф.А. Желтовым, вероятно, произошло по совету самого Л.Н. Толстого, уже с конца 1880-х гг. близко знакомого с ним [17, ф. 345, к. 26, ед. хр. 23, л. 1, 4]. Ф.А. Желтов – человек довольно известный; благодаря своему общению с писателем и общей близости их мировоззрений, он в свое время нередко получал характеристику толстовца, или, например, «наполовину молочник, наполовину толстовец» [17, ф. 369, к. 308, ед. хр. 49, л. 2]. В этом отношении любопытна его опубликованная переписка с Л.Н. Толстым [18], свидетельствующая о ярком своеобразии и самостоятельности мировоззрения выходца из богородских крестьян.

В 1891 г. сильной неурожай в ряде губерний Российской империи повлек за собой голод; сам Л.Н. Толстой и толстовцы откликнулись на это бедствие акцией помощи голодающему крестьянству посредством устройства столовых в деревнях преимущественно Рязанской губернии [14, № 12, с. 74–81; 19; 20]. В.В. Рахманов, по видимому неудовлетворенный одной только медицинской практикой среди крестьян, под впечатлением статьи Л.Н. Толстого «Страшный вопрос» решил также организовать помощь местному населению. Л.Н. Толстой посоветовал В.В. Рахманову отправиться в Лукояновский уезд и обратиться к другому толстовцу, учителю П.В. Великанову [21, т. 66, с. 92–93], о котором речь пойдет ниже. Произошла ли эта встреча, нам неизвестно; но Рахманов со своей женой 8 декабря прибыли в Шутиловскую волость Лу-

кояновского уезда и поселились в с. Русиновка у помещицы В.Н. Русиновой [6, ф. 2, оп. 6, д. 1434, л. 6]. К неудовольствию Толстого Рахманов отказался от идеи организовывать столовые по примеру самого мыслителя и его последователей [21, т. 66, с. 140–141] и занялся раздачей продовольствия беднейшим крестьянским семьям, а также безвозмездной медицинской практикой. По сведениям полиции, на деньги, полученные им от неизвестной богатой особы г. Гельсингфорса, Рахманов покупал муку и пшено у самой Русиновой и в Краснослободском уезде Пензенской губернии и выдавал по 4 фунта муки и 1 фунту пшена в неделю на едока [6, ф. 2, оп. 6, д. 1434, л. 6–6 об., 9]. В январе 1892 г. помощь голодающим была приостановлена, но в Лукояновском уезде Рахманов прожил приблизительно до начала 1896 г., заняв с января 1893 г. должность местного санитарного врача [6, ф. 2, оп. 6, д. 1434, л. 10]. В феврале 1896 г. он переехал в Черниговскую губернию и хлопотал о месте земского врача в Мглинском уезде; на запрос о его благонадежности и деятельности в последнее время лукояновский исправник ответил, что «в поведении его особенно предосудительного ничего не замечалось, но Рахманов ярый последователь учения Графа Льва Толстого, с каковой стороны он вел себя, как казалось окружающим, странно: был очень небрежен в одежде, посещая больных крестьян, делал большие расстояния пешком, держал себя ближе к крестьянам, избегая интеллигентных жителей, церковь не посещал» [6, ф. 2, оп. 6, д. 1434, л. 16]. Спустя три года (в начале 1899 г.) В.В. Рахманов присоединится еще к одному толстовскому поселению – «Лескен», хутор Кура-Гада Терской области, хотя не будет уже полностью разделять толстовских идей [13, ф. 124, оп. 8, д. 405; 16; 22]. Сменив ряд мест проживания, окончательно отойдет от толстовства, поселится и станет работать врачом в Москве; потом будет жить в Финляндии и в Петербурге и уже после революции погибнет в Сибири от сыпного тифа [13, ф. 102-3 д., оп. 91, д. 1061; 17, ф. 345, к. 26, ед. хр. 13].

Шутиловская волость Лукояновского уезда связана и со следующей, более существенной «толстовской» историей в Нижегородской губернии. В конце декабря 1894 г. в Департамент полиции поступили сведения о том, что в Григорьевской сельскохозяйственной школе низшего разряда, существующей здесь при с. Обуховка, среди учеников ведется пропаганда толстовских идей и планируется создание толстовской земледельческой общины [6, ф. 2, оп. 6, ед. хр. 1932, л. 1]. Интересно, что эта школа, называвшаяся между учителями «Нижегород-

ской Камчаткой» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 38] и получившая затем в полиции репутацию «известного гнезда неблагонадежных лиц» [13, ф. 102-3 д., оп. 93, д. 1184, л. 18 об.], не только существовала на средства земства, но и имела близкие отношения с помещиками Русиновыми.

Григорьевская школа существовала на земле, прежде завещанной генералом Григорьевым Приказу общественного призрения и в 1860-е гг. переданной в распоряжение Нижегородского губернского земства. Губернский гласный, бывший председатель Лукояновской управы и активный земский деятель Н.И. Русинов, принял живейшее участие сначала в организации хозяйства хутора, а затем и в открытии здесь сельскохозяйственной школы. После заключения договора с Департаментом земледелия и сельской промышленности о содействии земству в содержании школы, она была официально открыта 23 октября 1887 г. В школе был предусмотрен однолетний, подготовительный класс; сам же курс длился три года и предполагал получение учащимися теоретических и практических знаний по сельскому хозяйству; в школу принимались ученики из всех сословий не младше 14 лет [23]. После смерти Н.И. Русинова в 1889 г. при содействии его супруги, уже упомянутой выше В.Н. Русиновой, в этой школе была учреждена стипендия, складывавшаяся из процентов с оставленных им средств [6, ф. 2, оп. 5, д. 1673].

Главным пропагандистом толстовства в Григорьевской школе назывался преподаватель общеобразовательных предметов этой школы П.В. Великанов (1860–1945) [6, ф. 2, оп. 6, д. 1932, л. 1], учитель, выходец из бедного крестьянства, действительно разделявший тогда воззрения Л.Н. Толстого. «В толстовский Гольфстрим я вошел в 1886 г. Через год был выслан из Тверской губ. в Нижегородскую, где я добровольно ушел в Лукояновские леса и прожил отшельником 9 лет. 4 года безвыездно и выходно» [17, ф. 345, к. 68, ед. хр. 50, л. 4 об.], – писал он. В 1892 г. Великанов, познакомившись с В.Г. Короленко, также организовывал в Лукояновском уезде помощь голодающим [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 30 об.]. Полиция заинтересовалась и директором школы; им был А.К. Гвоздецкий, выпускник Петровской академии со степенью кандидата сельского хозяйства; он «смотрел сквозь пальцы на эту пропаганду и даже сочувствовал» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 38]. Еще одним «неблагонадежным» преподавателем школы являлся поступивший туда в сентябре 1894 г. С.И. Апенченко (1860–1942), – исключенный из Виленского университета в мае 1885 г. сначала просто за «дурное поведение», а затем и за «оскорбление действи-

ем» одного из преподавателей, за последний проступок он отбыл двухгодичное наказание в дисциплинарном батальоне [13, ф. 102-3 д., оп. 95, д. 1650, л. 1–2 об.]; по сведениям церкви, Апенченко в 1890-е гг. также придерживался «некоторых взглядов учения графа Льва Толстого» [6, ф. 2, оп. 6, д. 1932, л. 15].

Что касается земледельческой артели, то сведения полиции оказались верными – благодаря содействию учителей школы она уже была. По рассказу П.В. Великанова, земледельческая артель существовала здесь уже с 1893 г. [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 14–14 об.]. Согласно же рапорту лукояновского исправника, помещица А.Н. Русинова, вероятно, дочь Н.И. и В.Н. Русиновых, 14 ноября 1894 г. по словесному договору сдала на год в аренду свой хутор выпускникам школы – сыну дворянина П.Л. Никифорову, крестьянам из разных мест Нижегородской губернии М.Я. Стрелкову, Ф.Ф. Гроздеву, Н.А. Никонову, Т.Я. Синкину, мещанину Новой Слободы Лукояновского уезда А.Е. Флорову [6, ф. 2, оп. 6, д. 1932, л. 4 об. – 5]. Посетив хутор, пристав отметил, что «комнаты барского дома хутора содержатся в крайней небрежности, стены заплеваны [?], потолки и печи закоптели, полы не моются, всюду христианских образов нет, но на стене, на видном месте висит большой портрет Графа Льва Толстого. При входе в комнаты в присутствии Пристава эти люди шапок не снимали; одежда на них... [?] небрежная, лица как будто не умытые, волосы нечесанные; держали себя вольно и непочтительно. По собранным сведениям, они мяса не едят, за стол садясь и из-за стола выходя, Богу не молятся» [6, ф. 2, оп. 6, д. 1932, л. 5 об. – 6]. Говорить об этой артели как о «толстовской общине» возможно, однако с учетом следующих оговорок. Во-первых, ввиду молодости (18–19 лет) и отсутствия информации о прошлом ее участников, факт их сочувствия толстовскому мировоззрению не может быть доказан. Во-вторых, вполне вероятно, что имела место преимущественно педагогическая составляющая предприятия: каждый выпускник Григорьевской школы должен был пройти курс практических занятий – в отличие от известных нам толстовских колоний, где значимыми были в первую очередь нравственные мотивы жизни на земле. Вместе с тем стоит заметить, что именно практическая направленность этой артели вызывала сомнения у полиции и консистории, – они рассматривали ее только как предлог для пропаганды толстовских идей [6, ф. 2, оп. 6, д. 1932, л. 5 об.].

По нашим сведениям, артель просуществовала не дольше начала 1896 г. П.В. Великанов

писал, что хотя «дело у ребят шло хорошо», но все испортили преследования полиции и церкви в 1895–1896 гг. [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 30 об.]. Л.Н. Толстой в письме к нему от 17 декабря 1896 г. высказывал надежду, что его ученики снова объединятся [21, т. 69, с. 223], но едва ли это произошло.

Среди участников артели обращает на себя внимание 19-летний сын дворянина П.Л. Никифоров. Его отец – Л.П. Никифоров (1848–1917), человек «с прошлым»: сначала нечаевец, затем народоволец, в течение всей своей жизни подвергавшийся полицейскому преследованию, во второй половине 1880-х гг. через своего друга, также нечаевца В.Ф. Орлова, познакомился с Л.Н. Толстым и увлекся его взглядами. А его мать – Е.И. Засулич (?–1919), приходившаяся родной сестрой знаменитой революционерке Вере Засулич, разделяла новое мировоззрение и толстовские увлечения своего мужа. У Никифоровых было много детей: Лев, Николай, Павел, Александр, Владимир, Борис, Надежда, Сергей (перечислено по старшинству). Эта семья уникальна не только обстановкой их воспитания – «мы росли, как в поле цветы, головки которых тянутся к свету – солнцу, мы были свободны, и у нас было солнце – благотворное влияние родителей, которые с необыкновенным уважением относились друг к другу, к нам детям и ко всем окружающим» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 8]; но и тем, что большинство из детей Никифоровых так или иначе приняли участие в революционном движении.

В 1890–1891 гг. Никифоровы, следуя идее Л.Н. Толстого жить трудами своих рук, поселились в Тобошево Тверской губернии, неподалеку от уже упоминавшейся общины Дугино, и вели не столько скромный, сколько бедный образ жизни. Общинник В.И. Скороходов с уважением вспоминает о жизни Никифоровых в Тобошево – хотя «к простой работе они оба были совершенно не способны, но зато умели сокращать свои потребности и нужды и при этом не роптать, а сохранять бодрость и энергию» [14, № 12, с. 68]. До своего поступления в Григорьевскую школу Павел, как и другие дети Никифоровых, приучался к труду на земле; кроме того, Павел и его старший брат Николай летом работали на Мызе Кубач, еще одной небольшой толстовской колонии, расположенной рядом с Тобошево [14, № 12, с. 68–69].

В то время как его сын находился в земледельческой артели на хуторе Русиновой, Л.П. Никифоров со своей семьей ввиду денежных затруднений покинул Тобошево и переехал приблизительно в начале 1895 г. в Краснослободский уезд Пензенской губернии к своему другу, по-

мещику, земскому начальнику В.С. Кабанову [13, ф. 102–3 д., оп. 93, д. 1184, л. 16 об.]. По сведениям полиции, толстовскими идеями Никифорова увлекался не столько сам Кабанов, сколько его жена, которая имела «родных братьев... землевладельцев Лукояновского уезда Русановых» [13, ф. 102–3 д., оп. 93, д. 1184, л. 19]. Вероятно, имелись в виду именно помещики Русиновы, так как никаких Русановых среди помещиков Лукояновского уезда не значится [24, с. 55]. К сожалению, имени жены Кабанова в сводках не содержится; нам кажется вполне вероятным, что она и есть та самая А.Н. Русинова, уже знакомая прежде с Никифоровым и сдавшая по его рекомендации [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 30 об.] хутор для артели его сына.

О перемещениях Никифоровых в привлеченных источниках имеются противоречивые указания. Нам кажется верным, что сразу после пребывания у Кабанова уже отец Павла Л.П. Никифоров со всей своей семьей приблизительно в конце 1895 г. переехал в Лукояновский уезд на тот же хутор А.Н. Русиновой, носивший название «Затишье». Естественно, что Никифоровы здесь близко сошлись с П.В. Великановым и С.И. Апенченко, как об этом рассказывает Н.Л. Никифорова [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 39–40]. Вполне естественно также то, что подобное скопление «политически неблагонадежных» лиц не осталось незамеченным ни для местного общества, ни для властей. Это внимание обострялось еще и в связи с враждой, вспыхнувшей между двумя местными священниками – И. Коринфским из с. Шутилово и молодым Н. Приклонским из Обуховки, поддерживаемым отцом, также священником А. Приклонским, за возможность преподавать в школе. Ввиду этого сравнительно объемное дело Нижегородской консистории о Григорьевской школе [6, ф. 570, оп. 559, д. 36] содержит немало сомнительных сведений, различных слухов, пересказов и часто противоречивых интерпретаций одних и тех же фактов.

Стало известно, что П.В. Великанов, как и многие толстовцы, отказался от присяги Николаю II [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 30 об.]; на преподавателей школы и Л.П. Никифорова сыпались доносы местных жителей, несколько раз производились обыски, «попы говорили проповеди и уговаривали крестьян не отдавать детей в эту школу, потому что, по их мнению, оттуда выходят безбожники» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 38–39]. Словом, атмосфера вокруг школы в 1896 г. накалилась; стало очевидно, что в прежнем виде преподавание здесь вести не может.

Первым оставил школу А.К. Гвоздецкий; в мае 1896 г. он уже вернулся в Нижний Новго-

род из Москвы с воспрещением жительства в первопрестольной и губернии на год [6, ф. 342, оп. 1, д. 2000, л. 5]. На посту директора его сменил С.Л. Шорин, по характеристике Н.Л. Никифоровой «жадный-прежадный кулак» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 40]. Начались стычки с ним Великанова и Апенченко.

Затем весной 1896 г. покинул школу П.В. Великанов. Он уехал в Сибирь в надежде устроить школу рядом с известным в толстовских кругах сектантом-субботником Т.М. Бондаревым, проповедником земледельческого труда [см. 25] – эта затея не удалась, и Великанов вернулся в Европейскую Россию. В начале XX в. Великанов разочаровался не столько в учении Толстого, сколько в нем самом – «убедился я всем моим существом, что Л.Н. был учеником Христа и имел свет Его, но не имел жара и огня Его любви» [17, ф. 345, к. 68, ед. хр. 50, л. 1]. Богатый образ жизни Толстого, его проповедь непротivления стали вызывать недовольство Великанова; он стал писать ему «ругательные письма», которые Толстой в итоге перестал распечатывать и отсылал обратно [см. 17, ф. 345, к. 68, ед. хр. 50; 17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52]. После революции 1917 г. Великанов, поверив в светлое будущее новой России, снова вернулся к Л.Н. Толстому, – оставаясь не только преподавателем, но и оригинальным мыслителем и оратором, выступал в Обществе истинной свободы в память Л.Н. Толстого при с. Рассказово Тамбовской губернии с просветительскими беседами [17, ф. 369, к. 378, ед. хр. 37; 26, № 1, с. 28]. В поздние годы его письма стали носить отпечаток некой психической ненормальности, он стал буквально одержим идеей исполнить завет Толстого ему – переселиться в Канаду к духоборам и работать среди них учителем [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 53]. Подвергался некоторым преследованиям и в советское время [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 56], но все же был освобожден. После смерти Великанова В.Д. Бонч-Бруевич в своих записях оставит краткую, но точную заметку о нем: «Великанов – самобытный человек из крестьян, учитель средней школы, критически настроен ко всему и веривший также Вл[адимиру] Ил[ьичу] и тем, кто с ним. В общем путанная голова. Много натворил себе бед и почему-то особенно хорошо относился ко мне. ...писал мне много. Покинутый семьей – сошел с ума и кажется умер» [17, ф. 369, к. 135, ед. хр. 37, л. 3].

Позднее, в декабре 1897 г., из Григорьевской школы был уволен и С.И. Апенченко, всякая переписка его с бывшими учениками была прекращена. Сначала он поселился с семьей около известной земледельческой колонии «Криница» близ Геленджика [6, ф. 570, оп. 559, д. 36,

л. 79 об.]. А с 1900 г. жил в Москве, работая здесь учителем садоводства в школе «Студенец». Именно под его руководством начал уже революционную деятельность молодой А.Л. Никифоров, посещавший ту же школу. До революции 1917 г. Апенченко пережил несколько арестов [13, ф. 102–3 д., оп. 95, д. 1650, л. 9, 12], ссылку в Сибирь и амнистию 1905 г.; вступил в большевистскую партию. В мае 1923 г. переехал из Тулы в Москву, получал персональную пенсию и занимался общественной работой. Во время битвы под Москвой, несмотря на то, что его семья уехала, Апенченко, пожалев оставить книги и цветы, отказался покинуть город; не дождавшись возвращения семьи, умер в 1942 г. [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 41–43].

После увольнения этих трех лиц и замены их благонадежными в политическом и религиозном отношении преподавателями, Григорьевская школа стала приобретать совершенно иной вид и не могла более рассматриваться как источник толстовской или иной вредной пропаганды. В 1900 г., предвзяв свой рапорт, священник И. Коринфский скажет: «Давая отчет за последнее полугодие, весьма утешительно сообщить, что оно было временем укрепления доброго, религиозно-нравственного направления в школе» [6, ф. 570, оп. 559, д. 36, л. 89–89 об.].

Семья Никифоровых еще некоторое время оставалась на хуторе Затишье, а затем и они покинули Лукояновский уезд приблизительно в конце 1897 – начале 1898 г. и переехали в Москву. К сожалению, о судьбе П.Л. Никифорова после участия в земледельческой артели при Григорьевской школе у нас мало сведений. Известно, что в конце 1890-х г. он отбыл воинскую повинность, с 1902 г. работал в канцелярии Тульского губернатора, а потом принимал участие в разработке данных переписи в Москве. В феврале 1905 г. за принадлежность к партии эсеров и организацию недозволенных собраний рабочих был выслан с воспрещением жительства в Москве и Московской губернии, после этого отправился в Харьков [13, ф. 102–3д., оп. 100, д. 642].

Кроме Павла, Григорьевскую школу посещали трое других сыновей Никифоровых – Владимир, Александр и Борис [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 39]. Второй по старшинству сын, Николай, с юных лет отличавшийся тягой к знаниям и по этой причине сбежавший из Тобошево от отца в город, какое-то время работал учителем в Григорьевской школе. Но не посещал церковь и был уволен за антицерковное поведение. По рассказу сестры, это выразилось в том, что на одном из уроков он сжег икону в доказательство того, что не прав священник,

утверждавший, будто иконы не горят [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 27, 44]. Через некоторое время (до 1900 г.) Николай покончил жизнь самоубийством, так как «находил свое существование бессельным» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 52].

О жизни Б.Л. Никифорова нам неизвестно, судьба же его старших братьев Владимира и Александра, окончивших Григорьевскую школу, сложилась не менее трагично, чем у Николая. По сведениям полиции, В.Л. Никифоров после переезда семьи в Москву интересовался запрещенными произведениями Л.Н. Толстого и поступил на работу конторщиком железной дороги; потом начал принимать активное участие в революционном движении. Затем трижды арестовывался, последний раз в Нижнем Новгороде [13, ф. 102-3 д., оп. 100, д. 1027]. В возрасте 22 лет 2 октября 1903 г. в камере Таганской тюрьмы после 8-месячного одиночного заключения сжег себя, облив керосином. Друзья-революционеры выпустили воззвание к обществу по поводу его самоубийства, с революционным пафосом обвиняя судей и жандармов в том, что своей жестокостью и издевательствами они довели его до самоубийства [8, ф. 552, оп. 1, ед. хр. 4244]. Н.Л. Никифорова отмечала, что расшатанные нервы брата, который уже не мог уснуть без наркотиков, не выдержали несчастной влюбленности в девушку Инну из соседней камеры [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 58].

А.Л. Никифоров после исключения из Григорьевской школы поступил в 1900 г. в московскую школу садоводства «Студенец», где работал С.И. Апенченко. Под его влиянием 17-летний Александр окунулся в революционное движение, пользуясь большой популярностью у рабочих [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 57]. Ссылаясь в Тверь, но сбежал из-под гласного надзора; в марте 1905 г. был выслан в Нижний Новгород [13, ф. 102-о.о., оп. 233а, д. 982, л. 1, 15]. Этот 23-летний молодой человек, также увлекавшийся в детские и юные годы толстовскими идеями [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 11], в апреле 1905 г. приобрел известность тем, что совершил «единственный крупный удавшийся акт террора в Нижегородской губернии» [27, с. 91] в 1905 – 1907 гг. – по заданию местной организации эсеров он принял участие в убийстве начальника Нижегородского охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера, «отличавшегося жестоким обращением к политическим» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 6]. А.Л. Никифоров был пойман на месте преступления, судим и приговорен к смертной казни. Л.П. Никифоров и его семья вновь, в этот раз на короткое время, оказалась в Нижнем Новгороде для свидания с сыном, находившимся под следствием и судом [6, ф. 342,

оп. 1, д. 3465, л. 15, 16]. Н.Л. Никифорова утверждала, что, по рассказу брата, само убийство совершил нижегородец, некто столяр Китаев, удачно скрывшийся; Александр же взял вину на себя, отказавшись давать подобные показания в суде [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 76]. Узнав о приговоре, Л.Н. Толстой через свою родственницу выхлопотал помилование Николая II для А.Л. Никифорова. Однако «Д. Трепов, мстя за выстрел [в его отца Ф.Ф. Трепова] Веры Засулич [родной тети А.Л. Никифорова] поспешил дать распоряжение привести смертный приговор в исполнение. 12 августа [1905 г.] приговор был приведен в исполнение» [8, ф. 1792, оп. 1, ед. хр. 9, л. 78].

Судьба отца семейства Л.П. Никифорова, «дедушки русской революции» [17, ф. 369, к. 249, ед. хр. 52, л. 30 об.], как до, так и после лукаяновского периода его жизни заслуживает отдельного исследования. Как и для его детей, толстовство на Нижегородской земле оказалось для него временным увлечением, предшествовавшим вступлению в ряды революционеров. Истории жизней С.И. Апенченко, П.В. Великанова, Павла, Владимира, Александра Никифоровых и их отца интересны также и в контексте динамики толстовского движения. Интерес к толстовству у русского общества был тем ошутимее, чем сильнее была в России реакция, чем «темнее» для общественно-политического развития были годы; в периоды же революционных подъемов толстовство во многом переставало быть спасительным течением для живой мысли, ищущей социальной и нравственной справедливости.

Кроме рассмотренной в начале очерка истории толстовской колонии на Щелоковском хуторе, последующее участие нижегородцев в толстовском движении имеет случайный характер. В 1911–1917 гг. одним из членов толстовской общины на хуторе Ржевск Воронежской губернии был А.П. Панкратов, рабочий Сормовского завода, принимавший участие в восстании сормовских рабочих и в сооружении баррикад 1905 г. [13, ф. 102-о.о., оп. 242, д. 360, л. 224]. В апреле 1920 г. в с. Китово Сергачского уезда Нижегородской губернии был образован любопытный кружок из 5 неизвестных нам лиц, близких по мировоззрению к толстовцам. Этот кружок поставил своими целями: «1. Единение, основанное на любви, разуме и совести, 2. Распространение идей свободно-христианского мировоззрения, в духе Л.Н. Толстого, 3. Распространение идеи вегетарианства, воздержания от спиртных напитков и от курения табака, а также объяснение другим людям вреда мясоедения, курения и пьянства для души и для

тела» [26, № 3, с. 24]. 16 мая 1920 г. в с. Тонкино Варнавинского уезда, тогда относившегося к Костромской губернии, а с 1922 г. вошедшего в состав Нижегородской земли, по инициативе местного крестьянина А. Комарова был образован «Кружок истинной свободы в память Л. Толстого». Кружок, состоявший из 8 человек, занимался культурно-просветительской деятельностью [26, № 5, с. 29].

Вышеизложенными сведениями ограничивается причастность Нижегородской губернии к толстовскому движению. Вполне возможно, что автору работы не известны какие-либо иные материалы по местной истории толстовства, в этом смысле всевозможные дополнения информации, данной в этом очерке, нам представляются крайне полезными и интересными.

Список литературы

1. Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах: очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. 323 с.
2. Баранов Е. Толстовцы. М., 1912. 96 с.
3. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. 566 с.
4. Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 472 с.
5. Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века (1900–1916 гг.). Н. Новгород, 2001. 304 с.
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
7. Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. Тула, 1970. 344 с.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
9. Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектанстве. М., 1918. 182 с.
10. Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. 864 с.
11. Поливанова Е. Из прошлого (семидесятники) // Исторический вестник. М., 1913. № 5. С. 545–556.
12. Новая секта «перховцы» // Нижегородский биржевой листок. Н. Новгород, 1891. № 217. С. 3.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
14. Скороходов В.И. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914: № 2–4, 6–9, 11, 12.
15. Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшие годы. СПб., 1908. № 9. С. 3–33.
16. Рахманов В.В. Князь Георгий Александрович Дадияни. По личным воспоминаниям. М., 1905. 19 с.
17. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).
18. Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов: переписка. Оттава, 1999. 156 с.
19. Толстой и голод. Нижний Новгород, 1912. 218 с.
20. Величкина В.М. В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания. М. – Л., 1928. 145 с.
21. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. М., 1992.
22. Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9, 10.
23. Очерки практических мероприятий Нижегородского земства в экономической области // Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. 3. СПб., 1896. URL: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/su/?id=3425#_Toc266143685.
24. Ребровский Н.Д. Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Нижний Новгород, 1902. 58 с.
25. Бондарев Т. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца. СПб., 1906. 64 с.
26. Истинная Свобода: религиозно-философский, общественный и литературный журнал. М., 1920. № 1–6.
27. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923 гг.). Н. Новгород, 2012. 256 с.
28. Скороходов В.И. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5, 6.
29. Скороходов В.И. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1916. № 7, 8.

FROM THE HISTORY OF TOLSTOYISM: L.N. TOLSTOY'S FOLLOWERS IN THE NIZHNI NOVGOROD PROVINCE AND THEIR DESTINIES

E.V. Agarin

In this paper, based on archival materials, we study the origins and development of Tolstoyism in the Nizhni Novgorod province at the end of the 19th century. The subsequent biographies of Tolstoyans are briefly considered against the background of the history of Russian social movements.

Keywords: Tolstoyism, Tolstoyans, Tolstoyans' agricultural colonies, Nizhni Novgorod province, revolutionaries.

References

1. Prugavin A.S. O L'Ve Tolstom i o tolstovcakh: ocherki, vospominaniya, materialy. M., 2012. 323 s.
2. Baranov E. Tolstovcy. M., 1912. 96 s.
3. Butkevich T.I. Obzor russkikh sekt i ih tolkov s izlozheniem ih proiskhozhdeniya, rasprostraneniya i veroucheniya i s oproverzheniem poslednego. Pg., 1915. 566 s.
4. Gordeeva I.A. Kommunitarnoe dvizhenie v Rossii v poslednej chetverti XIX v.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. M., 2000. 472 s.
5. Smirnov D.N. Ocherki zhizni i byta nizhegorodcev v nachale XX veka (1900–1916 gg.). N. Novgorod, 2001. 304 s.
6. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO).
7. Bulgakov V.F. Lev Tolstoj, ego druž'ya i blizkie. Vospominaniya i rasskazy. Tula, 1970. 344 s.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI).
9. Prugavin A.S. Nepriemlyushchie mira. Ocherki religioznyh iskanij. Anarhicheskoe techenie v russkom sektantstve. M., 1918. 182 s.
10. Bulgakov V.F. Kak prozhita zhizn': vospominaniya poslednego sekretarya L.N. Tolstogo. M., 2012. 864 s.
11. Polivanova E. Iz proshlogo (semidesyatniki) // Istoričeskij vestnik. M., 1913. № 5. S. 545–556.
12. Novaya sekta «perhovcy» // Nizhegorodskij birzhevoj listok. N. Novgorod, 1891. № 217. S. 3.
13. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).
14. Skorohodov V.I. Iz vospominanij starogo obshchinnika // Ezhemesyachnyj zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoj zhizni. Pg., 1914: № 2–4, 6–9, 11, 12.
15. Rahmanov V.V. L.N. Tolstoj i «tolstovstvo» v konce vos'midesyatyh i nachale devyanostyh godov // Minuvshie gody. SPb., 1908. № 9. S. 3–33.
16. Rahmanov V.V. Knyaz' Georgij Aleksandrovich Dadiani. Po lichnym vospominaniyam. M., 1905. 19 s.
17. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (NIOR RGB).
18. L.N. Tolstoj i F.A. Zheltov: perepiska. Ottava, 1999. 156 s.
19. Tolstoj i golod. Nizhnij Novgorod, 1912. 218 s.
20. Velichkina V.M. V golodnyj god s L'vom Tolstym. Vospominaniya. M. –L., 1928. 145 s.
21. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. M., 1992.
22. Mihajlov A. V «tolstovskoj» kolonii. Po lichnym vospominaniyam // Vestnik Evropy. SPb., 1908. № 9, 10.
23. Ocherki praktičeskikh meroprijatij Nizhegorodskogo zemstva v ehkonomičeskoj oblasti // Nizhegorodskaya guberniya po issledovaniyam gubernskogo zemstva. Vyp. 3. SPb., 1896. URL: http://www.opentextn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/su/?id=3425#_Toc266143685.
24. Rebrovskij N.D. Spisok dvoryanskim rodam, vnesennym v dvoryanskuyu rodoslovnuyu knigu Nizhegorodskoj gubernii i utverzhdennym v dvoryanskom dostoinstve. Nizhnij Novgorod, 1902. 58 s.
25. Bondarev T. Trudolyubie i tuneyadstvo, ili Torzhestvo zemledel'ca. SPb., 1906. 64 s.
26. Istinnaya Svoboda: religiozno-filosofskij, obshchestvennyj i literaturnyj zhurnal M., 1920. № 1–6.
27. Medvedev A.V., Slepchenkova A.A. Partiya socialistov-revolucionerov v Nizhegorodskom krae (1895–1923 gg.). N. Novgorod, 2012. 256 s.
28. Skorohodov V.I. Iz vospominanij starogo obshchinnika // Ezhemesyachnyj zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoj zhizni. Pg., 1915. № 5, 6.
29. Skorohodov V.I. Iz vospominanij starogo obshchinnika // Ezhemesyachnyj zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoj zhizni. Pg., 1916. № 7, 8.